

СЕРИЯ «БОГОСЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

В серию входят
исследования иностранных
и отечественных специалистов
в разных областях богословской науки

УЧЕНИЕ В. ЛОССКОГО О ТЕОЗИСЕ

Евгений Зайцев

УЧЕНИЕ О ХРИСТЕ И БЛАГОДАТИ В РАННЕЙ ЦЕРКВИ

Дональд Ферберн

ЛЮЦИФЕРОВ БУНТ ИВАНА КАРАМАЗОВА.

Судьба героя в зеркале библейских аллюзий

Виктор Ляху

DENNIS F.
KINLAW

Let's **START**
WITH JESUS

A NEW WAY OF DOING THEOLOGY

ZONDERVAN™

GRAND RAPIDS, MICHIGAN 49530 USA

С Е Р И Я
Богословские исследования

Деннис Кинлоу

НАЧНЕМ С ХРИСТА
НОВЫЙ ПОДХОД К БОГОСЛОВИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

ББК 86.37
УДК 281.4
К 414

Перевод: Нина Корякина
Научный редактор: Сергей Корякин
Редактор: Елена Степанова

Данный перевод книги Денниса Кинлоу
Let's Start with Jesus. A New Way of Doing Theology
публикуется с согласия издательства
The Zondervan Corporation L.L.C. a subsidiary of
HarperCollins Christian Publishing, Inc.

Кинлоу Деннис

Начнем с Христа. Новый подход к богословию / Пер. с англ.
(Серия «Богословские исследования»). — М.: Издательство
ББИ, 2018. — 190 с.

ISBN 978-5-89647-370-1

В основе книги видного американского богослова лежат размышления о простой, но не сразу открывающейся в Писании истине: если мы познаем Христа, то познаем Бога; не поняв Христа, мы не сможем понять и Бога. Автор рассматривает отношения Бога с людьми сквозь призму отношений божественных лиц внутри Троицы, используя библейские метафоры суда, семьи и брака. Свою задачу Кинлоу видит не в том, чтобы найти нечто за пределами библейского текста, а в том, чтобы как можно больше открыться тому, что в нем скрыто.

Верстка: Татьяна Дурнова
Обложка: Надежда Павлючик

В оформлении обложки использован фрагмент картины
А. Лентулова «Астры» (1913)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© The Francis Asbury Society, 2005

© Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2018
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	<i>ix</i>
<i>Предисловие к английскому изданию</i>	<i>xiii</i>
<i>Выражение признательности</i>	<i>xvii</i>

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новое представление о Боге 1

Два представления о Боге:

поли / пантеизм и монотеизм 2

Христианство — особый вид монотеизма..... 5

Отличие: Иисус Христос..... 7

Иисус раскрывает природу Бога..... 13

Бог в образе семейных отношений 13

Бог — это жертвенная любовь..... 18

Бог ведет беседу..... 21

Бог свободен 23

Бог триедин 25

Бог свят..... 29

Иисус открывает Божий замысел:

Бог стремится к близости со своим творением ... 33

Ветхий Завет: Бог посреди своего народа 33

Новый Завет: Бог един со своим народом 36

ГЛАВА ВТОРАЯ

Насколько близко Бог хочет быть к нам.....	41
Три метафоры, поясняющие	
Божий замысел о человеке.....	41
Метафора царства и суда	41
Метафора семейных отношений	47
Метафора брачных отношений.....	53
Следствия из трех метафор	61
Метафора царства и суда	61
Метафора семейных отношений	62
Метафора брачных отношений.....	65
Развитие метафор	66

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Личность и представление о Боге	71
Иисус открывает нам суть личности	71
Понятие «личность» и понятие «я»	77
Определение личности	81
Осознание собственной индивидуальности.....	81
Мы созданы для отношений с другими	83
Мы созданы для взаимности	85
Мы созданы для свободы	88
Мы созданы с нравственным сознанием, отражающим святость Бога.....	92
Мы созданы для открытости.....	101
Мы созданы для отношений доверия и любви... ..	106
Личностная природа человека допускает возможность отождествления Бога и его созданий	110

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Человеческая проблема. Почему невозможно отождествление с Богом?.....	117
Библейское понимание греха.....	117
Мы отворили лица свои от него	122
Последствия человеческого греха.....	129
Мы оторваны от источника жизни.....	129
Мы оторваны друг от друга	130

Жизнь по плоти в отрыве от Бога.....	132
Воцарение собственного «я»	135

ГЛАВА ПЯТАЯ

Путь спасения. Разгадка кроется в природе Бога.... 141

<i>Imago dei</i> : природа личности.....	144
Рука Господа: Иисус как новый образ силы.....	145
Путь спасения: «нести» других.....	147
Живущий в нас Христос: Любовь-агапе.....	149

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Полнота спасения. Совершенная любовь 153

Больше, чем прощение.....	154
Сердце, не знающее разделения	157
Действие Духа	164
Дар, который нужно принять: Божья полнота.....	168

ПРЕДИСЛОВИЕ

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Изменения в человеческой жизни и мысли не всегда заявляют о себе громогласно. Зачастую они настолько тесно вплетены в общую канву событий, что мы замечаем их, лишь оглядываясь назад. Тем из нас, кто был живым свидетелем большей части XX столетия и все еще принаравливается к XXI-ому, совершенно очевидно, — если всмотреться, — что на нашем веку произошла потрясающая перемена в богословском представлении о церкви Христовой. Сравнив учебный план сегодняшнего типичного семинариста-протестанта с планом столетней давности, мы заметим, сколь радикально изменилось наше видение того, что именно должен знать изучающий богословие студент, чтобы понять христианскую веру. Если мы посмотрим, какие богословские книги выпускаются в наши дни, то придем к тому же выводу. Особенно явны следующие важные моменты.

Одним из них можно считать особое внимание, которое сейчас уделяется учению о Троице. Оно влияет на наше понимание Бога и личности Христа, на наше понимание сущности спасения и замыслов Бога о мире. Благодаря этому переосмыслению, патристика вновь заняла

важное место в богословской мысли. Признание вселенского характера церкви ныне воспринимается как нечто неизбежное, а ведь так было не всегда. Католики остаются католиками, православные считают себя православными, протестанты говорят о своих протестантских конфессиях, но теперь главная граница проходит не между христианами со всеми их разделениями, а между христианами и секулярным, неверующим миром вокруг нас.

Эта новая ситуация требует нового подхода. Новые обстоятельства ставят перед нами новые вопросы, которые помогают нам увидеть то, что мы иначе и не заметили бы. Прежде всего это относится к тому, что мы видим в библейских текстах. Сегодня, вероятно, более чем когда-либо, легче воспринять цельность Писания.

Это хорошо понимает Эндрю Лаут¹, размышляя о собственном западном христианстве (особенно протестантизму) прочтении библейского повествования. Он говорит о двух «арках», объясняющих вселенский замысел Бога о творении. Одна арка — на ней в основном и делает акцент западное богословие — простирается от грехопадения Адама до исправления этой трагедии в боговоплощении, кресте, воскресении и вознесении. Другая арка — она отражает представления восточного православного богословия — охватывает сотворение и, согласно Божьему замыслу о творении, его кульминацию в единении с триединым Богом, которое для верующего является тварной аналогией ипостасного единства. Одна арка не отменяет другую. Чтобы воспринять картину мира целиком, нужны обе. Первая (меньшая) арка говорит о Божьем отклике на грехопадение человека, вторая (бóльшая) арка заставляет нас задуматься об изначальном замысле Бога о творении, о

---

¹ См. его статью: Andrew Louth, “The Place of Theosis in Orthodox Theology” in *Partakers of the Divine Nature: The History and Development of Deification in the Christian Traditions*, ed. Michael J. Christensen and Jeffery A. Wittung (Grand Rapids: Baker Academic, 2007), 32-44.

замысле, предварявшем грехопадение. Прощение грехов нужно человеку падшему. Полное же обновление *imago Dei* и утверждение Божьих созданий в совершенстве святой любви было уготовано Богом прежде, чем Адам и Ева согрешили.

Концепция большой арки у Лаута вполне сочетается с тремя метафорами, столь часто встречающимися в Писании. Бог — верховный Владыка, Судья земли, чьи законы мы преступили. Если мы хотим быть достойными общения со святым Богом, подателем и гарантом праведности и справедливости, нам необходимо его прощение. Но отношения с Богом нельзя свести к чисто юридическому пониманию. Он хотел, чтобы мы вошли не только в его царство, но и в его семью. Первое, что можно сказать о Боге, это то, что он Отец — это определяется его отношениями с Сыном. В самой сути, в самой природе триединого Бога мы видим семейные отношения. Когда Бог сотворил человека, он хотел расширить свою семью. А чтобы стать частью Божьей семьи, нужно не только прощение. Нужно рождение свыше, которое делает нас детьми Отца. Однако в самой сути наших отношений с Богом заложены особые отношения с Сыном, которого Отец послал разделить с нами наше состояние. Поскольку в утробе Марии силой того же Духа, который носился над бездной при сотворении мира, сам Творец сочетал себя со своим творением, Бог и человек стали одной плотью.

Это невозможно должным образом понять, если не держать в уме образ большой арки Лаута. Благодаря этому образу мы можем осознать связь между завершающими аккордами истории сотворения мира и последней главой истории человечества, описанной в книге Откровения и так дивно сочетающейся с библейским повествованием об истоках истории человечества. Все это — история любви! То, что начинается с трепета и восторга Адама, выраженного словами «кость от костей моих и плоть от

плоти моей», завершается призывом второго лица Троицы к своей искупленной невесте. Последний Адам, как и первый, может сказать «вот кость от костей моих и плоть от плоти моей», поскольку он возжелал принять образ и плоть тех, кого создал для себя. И здесь требуется нечто большее, чем прощение и рождение свыше. Требуется личная святость и совершенная любовь.

Господь не хочет, чтобы мы неверно истолковали его предвечный замысел. Не потому ли все мы граждане того или иного государства и можем подтвердить это, предъявив паспорт? К тому же у каждого из нас есть родители. Мы не можем иначе появиться на свет. И каждый из нас создан мужчиной или женщиной. Мы предназначены отдавать себя другому в любви. Созданные по его подобию, мы определяемся с помощью тех же понятий, какими описываем триединого Бога. Мы личности. И это делает невозможную историю возможной. Повесть, начинающаяся с человека, созданного по образу Творца, завершается Творцом, принимающим образ *сотворенного*. Одна мысль об этом вселяет в нас желание поклониться перед Богом.

Деннис Кинлоу,
Уилмор, штат Кентукки
март, 2016 г.

*Джорджу Люсу – другу,
наставнику, великому сердцу,
коллеге по общему делу*

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Меня всегда удивляет, как порой единственная фраза, сказанная уважаемым мною человеком, открывает для моей мысли совершенно новые горизонты. Однажды подобное случилось со мной в Принстонской богословской семинарии, где знаменитый ученый, исследователь Паскаля, Эмиль Кайе, читал курс под названием «Христианский образ жизни». Курс включал три лекции на тему «Святость в реформатской традиции». В рамках этой темы он давал свою оценку историческому развитию представлений церкви о личной святости. Дойдя до эпохи Реформации, доктор Кайе произнес фразу, бесповоротно изменившую образ моих мыслей: «За один раз можно усвоить лишь один урок».

Он говорил о победе Реформации в битве за учение о благодати, спасающей нас по вере, а не по делам. Он подчеркнул, что мы в неоплатном долгу у деятелей Реформации, с небывалой дотоле ясностью утвердивших доктрину оправдания верой. А затем добавил: «Но мы не станем искать у деятелей Реформации классического определения личной святости. Они боролись не за это».

Он пояснил, что для решения этого вопроса нам нужно дождаться евангельского пробуждения в Англии в XVIII столетии. Услышав эти слова, я вдруг понял, что в нашем понимании богословия возможен прогресс, в который можно верить, не отказываясь от веры в непогрешимость библейского откровения.

Прежде я придерживался мнения, что христианская вера представлена в Ветхом и Новом заветах в законченном виде, и наш долг – лишь повторять открытые в них истины. Иными словами, я полагал, что ортодоксальная христианская вера передана нам в окончательной форме, и что церковь должна возвещать данное ей Слово, а не исследовать и раскрывать глубины откровения, содержащегося в библейском тексте. Теперь же я осознал, что в Писании содержится значительно больше того, что я видел раньше и моя задача состоит не в том, чтобы найти нечто за пределами текста, а в том, чтобы как можно больше открыться всему, что в нем сокрыто. Постепенно мне стало ясно, сколь ограничено я прежде понимал тайну Благой вести, данной нам в Писании и во Христе.

Думая об этом, я вспомнил, как нелегко далось церкви понимание и утверждение простых истин – например, что Иисус из Назарета может быть и сыном Марии, и предвечным Сыном Божиим. Естественно, это подвигло меня к размышлениям о трехвековом тернистом пути церкви в ее попытках осознать библейское учение о взаимоотношениях между Отцом, Сыном и Святым Духом. В результате возникло учение о триединой природе Бога, без которого наши представления о Боге, о человеке, о грехе и об искуплении были бы удручающе однобокими.

И десятилетия спустя я постоянно вспоминал простое высказывание о том, что за один раз можно усвоить только один урок. Более того, оно изменило мой подход к Писанию и заставило читать его по-новому. Наверное, это правда, что мы, образно выражаясь, стоим на плечах

наших предшественников, думал я. Благодаря их труду нам открыты более широкие горизонты, а это значит, что мы перед ними в неоплатном долгу. Если мы дерзнем отместить их взгляды, мы вновь окажемся внизу, «у ног», и будем вынуждены начать все заново. Но это также означает, что Божьей милостью и по водительству Духа Святого мы способны видеть какие-то вещи яснее, чем наши предшественники.

Постепенно я понял, что метафора суда, сыгравшая важную роль в Реформации, действительно имеет библейские основания, но это не единственная метафора, используемая в Писании для объяснения сути того, что совершил Христос, умерев за нас. На протяжении многих лет библейский текст сопровождал меня во время подготовки к проповеди, преподавания в семинарии и молитвенных размышлений, и во мне крепла уверенность в том, что еще две метафоры — семейных отношений и брачных уз — пронизывают все Писание не в меньшей степени, чем метафора суда. Я понял, что метафора суда описывает роль Бога по отношению к своему творению, тогда как метафора семейных отношений не просто открывает нам его роль, но проникает в само бытие Бога. А брачная природа отношения Христа к церкви помогает понять цель истории человечества (Мк 2:18-20 и др.).

Эти размышления вкупе с моими собственными духовными нуждами привели меня к убеждению, что по благодати Божьей человеческое сердце стремится к более глубокому, личному познанию Бога, выходящему за рамки образа суда. Мне стало ясно и то, что эти две другие метафоры представляют куда более богатый образ Бога, чем тот, который обычно подразумевает большинство верующих. Постепенно и смысл креста Христова начал открываться мне полнее, глубже и шире. Я осознал, что спасение — это дар Отца через Сына Духом, и оно не только дает мне прощение и примирение с Богом, но и делает меня участником

единства, существующего между тремя лицами триединого Божества. Я почувствовал, что для того, чтобы проникнуть в суть всего этого, следует начать не с вопроса о том, существует ли Бог и что можно знать о нем, а с самого Иисуса, уверившего нас в том, что он есть высшее откровение Бога. Его слова апостолу Фоме были обращены и ко мне: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его» (Ин 14:6-7). Если мы познаем Христа, то познаем Бога; не поняв Христа, мы не сможем понять и Бога.

Это открытие стало одним из важнейших духовных переживаний в моей жизни, лучшей пищей для ума и прекрасным стимулом для духовного развития. Оно объединило богословский поиск и поклонение Богу. Сколь удивительно ощущать, как более глубокое понимание сути божественной природы усиливает восторг и трепет поклонения, а более глубокое понимание греховной сущности человека все больше смиряет и усиливает жажду быть святым подобно Христу. Равно и осознание воплотившихся на кресте Божьих замыслов открывает нам полноту благодати для жизни в общении с Богом и ближними, которая озаряет радостью каждый будничным день.

Эти размышления стали для меня путешествием, наполненным удивительной радостью. Эта радость и лежит в основе моей книги. Надеюсь, что, по Божьей благодати, изложенные здесь мысли хотя бы в слабой мере станут для читателя таким же благословением, каким они стали для меня.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Тому, кто верит в триединство Бога, нетрудно понять, что человек не существует отдельно, сам по себе. Он всегда вплетен в канву взаимоотношений, не просто влияющих на формирование его характера, но и определяющих его бытие. Это можно сказать и о самом человеке, и о плодах его труда. Разумеется, данная работа не исключение.

Все содержащиеся здесь полезные мысли — плод размышлений, основанных на жизненном опыте и на отношениях с особенными людьми в течение трети века, если не больше. Сказать обо всех просто невозможно, но о некоторых людях и событиях упомянуть необходимо.

Последние семь лет мне посчастливилось участвовать в работе группы, состоявшей из ученых, служителей церкви, руководителей христианских организаций, которые посвятили себя поиску нового подхода к систематическому богословию — подхода, в большей мере основанного непосредственно на Писании. Широта их кругозора дала мне очень много. В группу входили специалисты по философии, Новому и Ветхому заветам, систематическому, историческому и библейскому богословию, христианскому

образованию и патристике. Среди нас были мужчины и женщины, священники и миряне — люди, не понаслышке знакомые с пастырской работой, благовестием, преподаванием и миссионерством.

Мне выпала возможность участвовать в диалоге: я слушал сам, мои соратники слушали меня и высказывали свои замечания, и это было бесценно. Хотелось бы сказать всем этим людям, что я перед ними в неоплатном долгу. Если эта книга чего-то и стоит, то лишь благодаря той христианской преданности друг другу, тому глубокому взаимопониманию, творческому дерзновению и стремлению передать другим вечное Евангелие, которое я видел в своих коллегах. Верю, что этот труд — лишь первый плод нашего союза, за которым последуют другие, более ценные.

Вот имена тех, кому я хотел бы выразить признательность: Крикет Альбертсон, Стив Блейкмор, Крис Баундс, Гарольд Бёрджес, Алан Коппедж, Мэри Фишер, Чарли Фиско, Альберт Люс, Барт Люс, Джо Люс, Том МакКолл, Джон Освальт, Марк Ройстер, Рон Смит, Уильям Юри и Пол Винсент.

НОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГЕ

Молодой капеллан одного из колледжей Оксфордского университета имел обыкновение ежегодно беседовать с каждым новым студентом. Он хотел лично познакомиться со всеми и разъяснить некоторые стороны духовной программы колледжа. Иногда новички во время беседы смущенно признавались, что не верят в Бога и вряд ли будут активно участвовать в программе, предложенной капелланом. Тот отвечал: «Как интересно! А в какого Бога вы не верите?» Студент начинал рассказывать о своих атеистических воззрениях, после чего капеллан с улыбкой говорил, что у него с новичком много общего, потому что он и сам не верит в такого Бога.

Ученые считают, что *Homo sapiens* – существо религиозное. Везде, где есть люди, есть религиозные действия и религиозный язык. Человек немислим без разговора о Боге. Но что именно имеет в виду человек, говоря о *Боге* или о *богах*? Присутствие понятия «божественное» в человеческом языке может восприниматься как доказательство того, что существует общее согласие по поводу его смысла. Однако на деле все совсем не так.

Большинство богов, существование которых отвергают так называемые «неверующие», — не более чем призраки, обитающие лишь в их сознании. Они имеют мало отношения к объективной реальности. Да и Бог, перед которым преклоняет колени искренне верующий, может быть лишь карикатурой, имеющей слабое отношение к высшей реальности, которой человек стремится поклоняться. Последствия искаженного представления о Боге для верующего могут быть весьма плачевны, хоть и не столь тяжки, как для атеиста, отвергающего саму идею существования Бога. Ошибки не проходят даром и для неверующего, и для верующего.

Бывший архиепископ Кентерберийский Уильям Темпл считал: если наше представление о Боге ошибочно, то чем набожнее мы становимся, тем опаснее оказываемся для себя и для окружающих. Наши представления о Боге должны верно отражать Сущего — того, с кем, в конечном счете, всем нам придется иметь дело. Вряд ли есть более важный вопрос как для отдельного человека, так и для общества.

Два представления о Боге: поли / пантеизм и монотеизм

Как мы можем узнать, каков Бог на самом деле? Тут нам поможет Йехезкель Кауфман¹. В своей блестящей книге о вере Израиля он пишет, что все религии мира можно разделить на две категории.

Первая категория включает все те религии, которые связаны с природой и выражаются в двух формах — пантеизме и политеизме. Эти религии рассматривают все мироздание как единое целое, а божество — как его часть, или же воспринимают божество как наименование того само-

---

¹ Yehezkel Kaufmann, *The Religion of Israel*, trans. Moshe Greenberg (Chicago: University of Chicago Press, 1960), 486.

го единого целого, частью которого мы являемся. В некоторых из таких религий существует представление о том, что божественное начало пронизывает все мироздание, а мы так или иначе являемся частью этого начала. Такие религиозные воззрения характерны для индуизма или для современного движения Нью-Эйдж.

Другие религии из этой же категории полагают, что природа заключает в себе божественное начало. Его проявления — это разнообразные силы, за каждой из которых стоит особое существо, требующее собственного культа. У греков Уран (бог неба), Гея (богиня земли), Океан (бог океана) и Хронос (бог времени), у римлян Сол (бог солнца) и Луна (богиня луны) были первичными, исконными божествами. Народы древнего Средиземноморья почитали примерно одних и тех же богов, но под разными именами. Так, греки называли богиню Афродитой, римляне Венерой, но в обоих случаях речь шла об одном и том же. Наше слово «афродизиак» происходит от имени «Афродита». Говоря об Афродите или Венере, древние греки и римляне имели в виду эротическую силу, которая влечет мужчину к женщине и женщину к мужчине. Эти природные силы наделялись личностными качествами, и люди поклонялись им как божествам. Классические формы многобожия известны нам на примере религий древнего Ближнего Востока и Средиземноморья — древней Греции, Рима и Египта. Подобные религиозные представления можно найти у большинства так называемых примитивных народов. Сегодня эти представления ожили в нашем постмодернистском мире в идеях и практике Нью-Эйдж.

Вторая группа, согласно Кауфману, — это монотеистические религии, которые, в отличие от политеизма и пантеизма, укоренены не в природе, а в истории. Существуют три основных проявления монотеизма — иудаизм, ислам и христианство. Сразу можно увидеть, что все три

исторические религии связаны с Израилем и с иудео-христианской Библией. Все три восходят своими корнями к Аврааму и его времени. Все они воспринимают природу не как божество, а как творение Бога — высшей силы, стоящей над природой². Бог не является частью природы, и его нельзя отождествлять с ее проявлениями. С точки зрения этих трех религий, смешение природы и божества есть идолопоклонство — поклонение тому, что не имеет собственного бытия, не может существовать само по себе, но создано кем-то извне. Этот «кто-то» — источник природы, от него зависит само ее существование. Иными словами, три монотеистические религии на онтологическом уровне отделяют Творца от творения.

Точность формулировок Кауфмана не вызывает сомнений³. Они позволяют упростить проблему, особенно если мы ищем Бога, способного ощутимо изменить жизнь и помочь нам. В конечном счете, ни политеизм, ни пантеизм не в состоянии разрешить проблему зла, поскольку для них зло — это часть равно божественного и человеческого мира. Для них то, что мы называем «злом» и «божествен-

---

² Кауфман утверждает, что уникальность религии Израиля связана именно с представлением о божественном начале. По мнению Кауфмана, в религиозных представлениях Израиля Бог стоит «выше всего прочего. Нет ничего выше его или равного ему, что могло бы как-то ограничить его высшую власть. Он радикальным образом отличается от мира, он совершенно иной. Он не подчиняется никаким законам, ни принуждению, ни каким-то высшим силам. Короче говоря, он совершенно не похож на персонаж мифов. В этом суть религии Израиля, отличающая ее от любой формы язычества» (ibid., 60). Под язычеством Кауфман понимает все религии за исключением иудаизма, ислама и христианства.

³ В своей книге «Призваны к святости» Джон Освальт приводит ценное и удивительно четкое описание отличий библейского мировоззрения от всех прочих мировоззрений, как древних, так и нынешних. Найденные им отличия легли в основу материала, изложенного далее. См.: John N. Oswalt, *Called to Be Holy* (Nappanee: Evangel, 1999), 10-14.

ным началом», неразделимы, поскольку зло мира включено в божественное начало. Существует только «мы». Нет ничего за пределами нас, что было бы в онтологическом и нравственном смысле отлично от нас, к чему мы могли бы воззвать о помощи. Поэтому история, как и природа, воспринимается как некий повторяющийся цикл, в котором будущее не может существенно отличаться от прошлого, поскольку нет никакой трансцендентной, внеисторической личностной реальности, способной менять ход истории. С другой стороны, представления о возможности нового мира, нового общества и иного человека вошли в нашу культуру из ветхозаветных и новозаветных текстов и напрямую связаны с библейским, монотеистическим представлением о Боге.

Кауфман помог нам сделать первый шаг, но теперь нам предстоит сделать второй, не менее важный. Есть один трансцендентный Бог, но каков он по сути? Тщательное изучение литературного наследия трех монотеистических религий показывает, что между ними есть радикальные отличия, особенно между их представлениями о природе Бога.

Христианство — особый вид монотеизма

Иудаизм, ислам и христианство — это, несомненно, монотеистические религии. Величайшая истина иудаизма выражена в молитве «Шма Исраэль», взятой из Второзакония: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь один есть» (Втор 6:4). Ветхозаветные тексты ясно говорят: быть иудеем — значит верить в единого Бога, в Бога Авраама, в Бога, выведшего Израиль из Египта и говорившего с Моисеем на Синае. Еврейские пророки, например, Исаия, говорят: «Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня» (Ис 45:5). Исаия провозглашает это снова и снова (Ис 43:10; 44:8; 45:6, 14, 18, 21 и т.д.).

Иудаизм всегда непоколебимо придерживался единобожия. Маймонид, которого можно назвать величайшим иудейским философом и знатоком закона, стал образцом для всех последующих иудейских религиозных мыслителей. Обратите внимание на его рассуждение об обрезании — символическом обряде, знаке завета Бога с Авраамом:

Мне кажется, обрезание имеет еще одно важное значение, а именно: все люди, придерживающиеся этого убеждения, то есть верящие в *единство Бога*, должны иметь объединяющий их телесный знак, дабы те, кто не из их числа, не могли претендовать на принадлежность к ним, будучи чужеземцами... *Обрезание* есть завет *отца нашего Авраама*, связанный с верой в *единство Бога*. Таким образом, всякий обрезанный присоединяется к *завету Авраама*⁴.

Ислам с такой же определенностью утверждает, что Аллах — Бог, причем единственный. С точки зрения Корана, утверждение о возможности существования иных богов кроме Аллаха — тягчайший грех. Эта тема возникает в самом начале Корана и проходит красной нитью по всему тексту:

И Бог ваш — Бог единый, нет божества, кроме Него, милостивого, милосердного! ... А среди людей есть такие, которые берут, помимо Аллаха, равных; они любят их, как любят Аллаха. А те, которые уверовали, сильнее любят Аллаха. И если бы увидели те, которые нечестивы, когда они увидят наказание, что сила принадлежит целиком Аллаху и что Аллах силен в наказании! ... Так покажет им Аллах деяния их на погибель им, и не выйдут они из огня! (2:158, 160, 162)*.

Коран усиленно подчеркивает, что у Аллаха нет сына (2:110, 19:36, 19:92-94, 112:3), он царствует единолично.

Христианство вместе с иудаизмом и исламом утверждает единство Бога. Иисус ясно говорит о том, что следует

---

⁴ Maimonides, *The Guide of the Perplexed*, trans. Shlomo Pines (Chicago: University of Chicago Press, 1963), 609.

* Цит. по переводу акад. И.Ю. Крачковского. — *Здесь и далее под знаком * даются примечания переводчика.*

той же традиции, что и Моисей, и поклоняется тому же Богу (Ин 5:45-46). Бог един, и надо любить его превыше всего и только ему поклоняться (Мк 12:29-30). Павел, как верный иудей, провозглашает свою веру в единобожие: «Мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле... но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него» (1 Кор 8:4-6). Для христианина, как и для благочестивого иудея или правоверного мусульманина, есть один Бог, и нет другого Бога, кроме него.

Но есть одно отличие: когда христиане утверждают, что Бог един, они говорят о другом единстве, нежели иудеи и мусульмане. Это не есть единство божественной монады, единого божественного существа, имеющего простую природу. Христиане верят, что внутри этого единства Бога есть личностные различия. Обратите внимание на только что приведенный отрывок из послания Павла. Он утверждает, что Бог един, но тут же добавляет: «У нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1 Кор 8:6).

В этом добавлении содержится радикально иной смысл.

Отличие: Иисус Христос

Для мира проблема христианства состоит именно в Иисусе. Он есть «камень преткновения» (1 Пет 2:8; ср. Рим 9:32-33), отделяющий христианский монотеизм от веры Израиля и ислама. Отличие это — фундаментальное, пронизывающее каждый аспект христианского учения, влияющее на его понимание Бога, человечества, греха, спасения и «последнего времени» (*eschaton*).

Суть проблемы в том, кем Иисус считал себя и как понимал свои отношения с Богом Отцом. Важнейшие сведения об этом находятся в новозаветных евангелиях и

посланиях, но особенно ясно эта тема звучит в Евангелии от Иоанна — в частности, в уникальных отрывках, где Иисус говорит о своей связи с Богом, которую он описывает как очень близкие взаимоотношения. Мы видим это с особой ясностью, когда Иисус использует слово «Отец».

Хотя Иисус нередко называет Бога Отцом и в других евангелиях, у Иоанна это встречается вдвое чаще, чем у Матфея, втрое чаще, чем у Луки, и в шесть раз чаще, чем у Марка. Это слово так часто звучит здесь из уст Христа, что становится очевидно: главное действующее лицо в этом Евангелии, как и в самой жизни Иисуса — не он сам, но его Отец. И Христос, и Евангелие от Иоанна подчеркивают одну мысль: Иисус «послан», он пришел от Отца, чтобы совершить его дело. Язык, синтаксис и даже сама грамматика этого Евангелия указывают на эту основополагающую идею. Евангелист ясно говорит об особой близости между Иисусом и Отцом, отличающейся от отношений между Богом и пророком, превосходящей даже отношения между Богом и Моисеем, говорившим с ним лицом к лицу.

Глава 5 Евангелия от Иоанна ясно показывает это. В Иерусалиме Иисус видит лежащего возле купальни Вифезда человека, который не в состоянии ходить, мучимый болезнью уже тридцать восемь лет. Иисус спрашивает, хочет ли тот выздороветь. Человек отвечает согласием, Иисус велит ему встать, взять свою подстилку и идти. Расслабленный выполняет повеление Иисуса. Это происходит в субботу, а ношение тяжестей в субботу — нарушение закона Моисеева. Находящиеся в Храме поражены поступком Иисуса. Когда иудейские начальники узнают о том, что Иисус повелел человеку взять и понести свою подстилку, они обрушивают на него свой гнев, обвиняя в серьезном нарушении закона. Ответ Иисуса загадочен: он говорит, что Отец его действует в субботу, а он всего лишь следует примеру Отца.

Иудеи признавали, что Бог действует в субботу. Как еще объяснить дождь или рождение ребенка в седьмой день?

В этих естественных явлениях они видели деяния милостивого и щедрого Бога, заботящегося о своем народе. Иисус спрашивает: почему же их удивляет, что он, Сын Божий, выполняет дела милосердия в субботу — разве сын не должен подражать своему отцу?

От находившихся в Храме священников и начальников иудейских не ускользнул истинный смысл этих слов. Они сразу же заявили, что перед ними не просто нарушитель закона, а человек, ставящий себя вровень с Богом. Для правоверного иудея-монотеиста это явное богохульство. Неудивительно, что иудейские начальники не замедлили предъявить Иисусу обвинение в этом тяжком грехе.

В ответ на их обвинение Иисус произносит одну из самых пространных речей во всех евангелиях о своих взаимоотношениях с Богом Израиля. Он говорит, что он — сын их Бога и потому ничего не делает «Сам от Себя» (Ин 5:19). Он видел Отца, творящего такие дела, и сам ныне творит то же. По утверждению Иисуса, Отец, предвечный Бог, разделил с ним все свои деяния. Более того, Отец, источник жизни, разделяет с Сыном и свою жизнь. Сын не имеет жизни в себе, но постоянно черпает ее в Отце. Отцу принадлежит вся власть, вплоть до власти воскрешать из мертвых, и эту власть он передал Сыну, Иисусу. Отец — Бог Израиля, Судья всего мира — передал и право на суд своему Сыну Иисусу (Ин 5:27).

Дела, творимые Иисусом, наподобие исцеления расслабленного, свидетельствовали о том, что он послан Отцом, а значит, иудеям была дана возможность понять, кто он такой. Иоанн Креститель засвидетельствовал, что он — тот, кого ожидал Израиль (Ин 5:33, 36), и даже сам Моисей, величайший из всех людей, вместе с другими пророками предсказал его приход (Ин 5:46-47). Это означало, что Иисуса надо было почитать также, как и Отца, поскольку он — Сын Отчий. Иисус настаивал: раз они не признали

его и не приходят к нему, они не получают той жизни, которую он пришел даровать (Ин 5:39-40).

Эта речь, произнесенная Иисусом после исцеления человека, пролежавшего тридцать восемь лет в параличе, изменила отношения между Иисусом и иудейскими начальниками в Храме и Иерусалиме. С этого момента они решили уничтожить Иисуса за то, что он притязал на равенство Богу, а значит, богохульствовал.

Следующее чудо усилило ненависть храмовых властей к Иисусу, побудив их с новой силой искать его смерти. Об этом говорится в главах 9 и 10 Евангелия от Иоанна. В истории об исцелении слепорожденного Иисус снова исцеляет в субботу, и на это сразу обращают внимание начальники Храма. Иоанн продолжает эту историю изложением речи Иисуса, в которой он называет себя Добрым Пастырем, отдающим жизнь свою за овец (Ин 10:11). Он говорит о близости с Отцом, и вожди иудейские оспаривают его слова. Когда Иисус говорит, что он и Отец — одно, они в ответ хотят побить его камнями, потому что понимают, что он претендует на божественность. Расправа не удастся, Иисус ускользает из их рук. Храмовые власти теперь понимают, что он говорит не только о своем равенстве с Богом, но и об определенной тождественности ему, а значит, Иисус должен быть уничтожен.

В последующих главах Иоанн приводит другие речения Иисуса, подтверждающие суждение иудейских вождей о том, за кого он себя почитает. Слова Иисуса о себе достигают кульминации в его беседе с учениками в Страстной четверг. Теперь он уже говорит не с начальниками Храма, а с учениками, в присутствии которых он позже обратится к Отцу с первосвященнической молитвой (Ин 17). В этой беседе Иисус настаивает на том, что он и Отец — одно. Они настолько едины, что видевший его видел и Отца и, познав его, ученики на самом деле познали Отца (Ин 14:7, 9). Отец и Сын едины и неделимы; из слов Иису-

са ясно, что он настолько един с Отцом, что отвергнув Иисуса, мы отвергнем Отца, а приняв Иисуса, примем и Отца (Ин 13:20).

Передавая нам эти слова Иисуса, евангелист Иоанн вновь подчеркивает его представление о себе. Оно косвенно присутствует во всех четырех евангелиях (ср. Мф 10:40; 11:27; Мк 12:1-12; Лк 10:22), но особенно подробно и четко представлено у Иоанна.

Из слов Иисуса Иоанн делает такой вывод: вечного Бога никто никогда не видел, но Иисус, едиnorodный Сын Божий, исшедший из «недра Отчего», явил нам Отца, «истолковал»* его для нас (Ин 1:18; ср. Мф 11:27). Иоанн считает Иисуса Словом Божьим, с самого начала бывшим с Богом, которое само имеет божественную природу. Это Слово, через которое начало быть все сущее.

Не надо быть большим знатоком иудейской литературы, чтобы увидеть, что первые стихи Евангелия от Иоанна, где говорится о Слове Бога, — это парафраз первых стихов книги Бытия, повествующих о сотворении мира. Но у Иоанна ясно сказано то, на что в ветхозаветном тексте указано косвенно. В книге Бытия говорится о том, как Бог словом вызывает мир к жизни. Ключевая фраза главы 1 — «И сказал Бог». Важно, что еврейское слово «Бог» (*Elohim*) стоит во множественном числе, тогда как глагол «сказал» (*wayyo'mer*) — в единственном. В начале был единый Бог, но в его единстве была такая полнота, которую невозможно передать единственным числом. Слово, имеющее свою собственную индивидуальность, было у Бога. Поэтому Иоанн смог развить дальше историю из книги Бытия и сказать нам, что творение было совершено Словом Бога.

---

* В греческом тексте Ин 1:18 использовано слово *exegesato*, т.е. «истолковал, объяснил»; от этого же корня происходит слово «экзегетика» (толкование). В Синодальном переводе сказано: «Он явил».